

Юркевич, О.Ю.
студентка 4 курса
Научный руководитель: Ю.А. Блашков

ЭМИГРАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Понятие «эмиграция», рассматриваемое и анализируемое с исторической точки зрения, в самом простом схематическом виде обозначает вынужденное переселение, изгнание и в то же время выход, за пределы или выезд граждан из своей страны в другую на постоянное местожительство или на более или менее длительный срок по определённым мотивам и причинам [2, с. 494].

Вместе с тем, эмиграция в понятийном отношении может быть противопоставлена весьма распространённому термину «диаспора», который переводится как «рассеивание, рассредоточение». Современные «культурные исследования» (Cultural Studies) связывают эмиграцию, которая напрямую зависит от ограниченной, строго локализованной в пространстве идеи дома и места, с литературным модернизмом. Диаспора же скорее размывает привычную интерпретацию места как чётко локализованного пространства и в большей степени сопоставима с такими характерными понятиями, как «гибридность» или «перформативность» [1, с. 52].

Исследователи, рассматривающие эмиграцию как феномен мировой культуры, стремятся анализировать данное явление как, с одной стороны, «действительное актуализированное состояние изгнания, ссылки» [1, с.55], а с другой – как метафорическое состояние жизни «без привилегий, соблазнов и влияния определённой культуры» [1, с. 55].

В широком смысле понятие «эмиграция» несёт в себе не только акцент на пространственной локализации «дома и места», но затрагивает и временной аспект. В том случае, если человек сталкивается с чуждой ему исторической действительностью в силу определённых обстоятельств, например, революции, государственного переворота и т.д. и не может найти своё место в рамках данного мира, возникает внутренняя эмиграция как оригинальная стратегия поведения. Внутренний эмигрант понимает, что он «не такой, как надо – физически, социально, душевно» [3, с. 13], создавая тем самым в общественном сознании провокацию или скандал. Внутренняя эмиграция (словосочетание рассматривается как оксюморон – сочетание

несочетаемого) возникает в противовес эмиграции реальной, физической или, можно сказать, пространственной, которая становится фактически невозможной для большей части населения.

В том случае, когда эмиграция рассматривается не только как вынужденное перемещение или изгнание, но и как определённая форма отчуждения, связанная непосредственно с пространственным перемещением, выделяют четыре основные формы отчуждения или «оторванности от дома», которые представлены эмигрантом, экспатриантом, номадом и туристом [1, с. 53]. Фигура эмигранта, как уже было обозначено выше, представляет собой человека, вынужденно покинувшего свой дом. Экспатриант – это человек, который добровольно покинул свою родную страну, с целью получения образования, улучшений условий жизни и т.д. При этом может и не ставиться цель обосноваться в другой стране, а сам экспатриант не является изгнанником и не считает себя таковым [1, с. 54]. Номад в свою очередь свободен от влияния национальности, государства, партии и т.д., не имеет чётко локализованного дома и не стремится к этому. Данный тип отчуждения определяется неподчинением централизованной власти и своей не связанностью с обществом. Турист является своеобразной вариацией путешественника, но отличается фиксацией на объекте туристической поездки, при этом он не испытывает разрыва со своей страной и родной культурной традицией [1, с. 55].

Все эти фигуры связаны с отчуждением, пространственной дислокацией и невозможностью слиться с определённой, новой для них средой, однако для эмигранта и экспатрианта это отчуждение определяется и особым переживанием чувства утраты, что не характерно для номада или туриста.

Для обозначения людей, которые покидали родную страну и поселялись в другой стране, также используется термин «беженцы» (фр. – *réfugiés*), однако применительно к представителям противников новой власти в России после событий октября 1917 г. чаще используется именно термин «эмигранты», главной особенностью которых является наличие уникальной духовной миссии. «Без возвышенного сознания известной своей миссии, своего посланничества, нет эмиграции, есть толпа беженцев, ищущих родины там, где лучше» [4, с. 486]. Эмигрант, в свою очередь, интерпретируется как политический борец (благородное звание), а беженец – праздный дармоед, получающий пособие от чужого государства (звание презренное).

Определяя свой статус по отношению к покинутой родине, И.А. Бунин настаивал на термине «эмигрант». На одной из встреч

соотечественников, оставивших Россию, он отмечал: «Мы эмигранты – слово «emigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своём не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину...» [5, с. 128]. Несмотря на то, что в данном историческом контексте степень вынужденности изгнания и эмиграции слабо различима, смысловой акцент – эмигрант, а не изгнанник – для И.А. Бунина имел особое содержание.

Эмиграция, в отличие от беженства, перестаёт быть лишь способом физического выживания, она приобретает характер духовной миссии, становится апофеозом грядущей России и стремится представить за границей новую разновидность искусства – «эмигрантское искусство», которое стало бы воплощением идеи «несения традиций».

Деятельность по сохранению культуры и классического наследия прежней России, чтобы, вернувшись «туда», восстановить преемственность интеллектуального развития страны, интерпретируется самими эмигрантами как их миссия. Слова «мы не в изгнании, мы – в послании» стали воплощением основного идейного и эмоционального тона эмиграции.

Философ Ф.А. Степун, рассматривая идеологические и нравственные модели русского зарубежья, выделяет понятие «эмигрантщина», к которой относит тех, кто, «схватив насморк на космическом сквозняке революции, теперь отрицает Божий космос во имя своего насморка» [7, с. 366]. Это та часть эмиграции, среди которой ощущение причинённого ей революцией страдания является самодовлеющим, но она и не стремится преодолеть «злое мудрствование» и «воинствующее добровольчество» [7, с. 54].

Отъезд из страны вызывает у индивида меланхолическое чувство потери и осязаемой нехватки, стремление преодолеть которую, в свою очередь, приводит к авторефлексии: эмиграция в таком случае представляется как переход к новой идентичности [1, с. 57]. На стадии отделения от прежней среды в искусстве эмигрантов, прежде всего, в литературе весьма часто возникает образ острова или замкнутого пространства. Эта идея-замысел сопоставима с покинутым домом, в котором автор стремится собрать все воспоминания, связанные для него с «потерянным раем», чтобы создать образ всего утраченного, в том числе и потерянной для них родины. Остров является специфическим решением проблемы отчуждения, становясь воплощением счастливой прошлой жизни, а иногда и идеального будущего.

Факторы и мотивы, которые вынуждают людей уезжать из одной страны и искать убежища в другой, безусловно, разнообразны и

представляют собой всевозможные сочетания, вместе с тем поддаются интерпретации и классификации. Так, выделяют мотивы экономические, политические, религиозные, национальные, но нередко решающим становится личный, исключительно индивидуальный мотив [2, с. 495].

Исследователи часто репрезентуют эмиграцию как явление, наполненное высокими смыслами, а фигуру эмигранта связывают с героическими или мифологическими образами, романтическими героями и т.д. В российской истории особое, своеобразное поэтизированное место занимает эмиграция первой волны, в первую очередь – её интеллектуальная элита. Также обращается внимание на уникальность «первой эмиграции» и в количественном, и в качественном плане: «Феномен колоссального первого русского рассеяния, по его многочисленности и культурной значимости никогда не был превзойдён в истории, считая и протестантский исход» [8, с. 144]. В необычайно сжатые сроки за пределами России оказались ведущие деятели науки и культуры прежней Российской империи, ставших за её пределами «посильными борцами за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся» [5, с. 127].

Эмиграция как правовое понятие в законодательстве Российской империи отсутствовало, переход в иное гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего нужно было ходатайствовать о продлении срока. В ином случае человек утрачивал гражданство и подлежал, в случае возвращения, аресту и вечной ссылке; имущество же его автоматически переходило в Опекунский совет. Начиная с 1892 г., эмиграция допускалась лишь применительно к евреям, но им категорически воспрещалась любая форма репатриации [2, с. 501].

Поворотным пунктом формирования «первой эмиграции» стала Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война, в ходе которых произошли радикальные изменения в социально-политической структуре государства: долгожданное освобождение от царизма сменилось «сумерками свободы», распадом общества и страданием миллионов людей. Произошла модификация целой системы зависимостей, а затем и системы человеческих взаимоотношений в рамках понятия свободы, новая власть, по словам И.А. Бунина, сумела «перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделала всякий возмущённый крик наивным, дурацким» [5, с. 215].

Представители этой эмиграции – военные и гражданские лица, которые в ходе поражений Белой армии вынуждены были искать

убежища в других странах, «презирая коммунистическую веру как идею низкого равенства...как нечто, глупо посягающее на ... свободное «я», как поощрительницу невежества, тупости и самодовольства» [9, с. 646].

Белая эмиграция как явление массового характера сформировалась в ходе нескольких этапов. Первый этап связан с эвакуацией Вооружённых сил Юга России под командованием А.И. Деникина из Новороссийска в феврале 1920 г. Как второй этап и кульминационный момент эмиграции рассматривается эвакуация Русской Армии под командованием П.Н. Врангеля из Крыма. На юге России ещё в мае 1920 г. был утверждён так называемый «Эмиграционный Совет», переименованный через год в «Совет по расселению русских беженцев» [10, с. 26].

29 октября 1920 г. П.Н. Врангель сообщил местному населению, что «уже преступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделил с Армией её крестный путь, семей военнослужащих, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага. Армия прикроет посадку... необходимые для её эвакуации суда стоят в полной готовности в портах согласно установленному расписанию» [7, с. 26]. Последние же операции по эвакуации армии Врангеля прошли с 11 по 14 ноября 1920 г.; в общей сложности из Крыма эвакуировалось морем примерно 140 тысяч человек, половину которых составляли военнослужащие, а вторую половину – мирное население [7, с. 26]. Впоследствии они были расселены в лагерях под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии; военные лагеря в Галлиполи, Чаталдже и на Лемносе находились под английской или французской администрацией, откуда гражданские лица могли выезжать в европейские государства.

Третий этап отъезда участников Белого движения связан с поражением войск адмирала А.В. Колчака, когда около 400 тысяч человек вынуждены были выехать в Маньчжурию, где центром эмиграции в этом направлении стал Харбин [2, с. 505]. Параллельно страну покидали через китайскую границу (в Шанхае со временем образовалась колония русских), через Польшу, Финляндию и образовавшиеся прибалтийские республики.

Эмиграция продолжалась и в последующие годы, а отношение большевиков к интеллигенции и проявляемому ею желанию выехать из Советской России было неоднозначным. Для легального выезда из страны требовалось разрешение таких официальных учреждений, как Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР, ЦК РКП (б) и Народный комиссариат просвещения РСФСР [11, с. 167]. В марте 1920 г. была разработана

инструкция, согласно которой выезд за пределы страны в порядке поездок за границу частным лицам для личных надобностей не разрешался. Выезжать через демаркационную линию могли исключительно лица, командированные центральными советскими учреждениями по заграничным паспортам, выданным Народным комиссариатом иностранных дел [11, с.168]. Попытка пересечения границы без заграничного паспорта приравнивалась к нелегальному переходу границы.

5 января 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров опубликовали декрет о лишении гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Согласно данному акту, гражданства лишались: лица, пробывшие за границей более пяти лет и не получившие от большевистского правительства паспорт до 1 июня 1922 г.; лица, выехавшие из страны после Октябрьской революции без разрешения советских властей; лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против новой власти, участвовавших в контрреволюционных организациях. Вместе с тем для них предусматривалась возможность восстановления гражданства, для чего требовалось заявление о принятии подданства РСФСР или СССР, покаяние во всех преступлениях против власти и принятие просителем всех принципов и порядков советского строя [11, с. 168 – 169].

Помогала и оказывала определённую помощь русским эмигрантам Лига Наций: в 1921 г. была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Comission), председателем которой стал известный норвежец Фритьоф Нансен. По его инициативе в 1924 году были введены так называемые «нансеновские» паспорта, за которые с эмигрантов взимался немалый сбор [11, с. 503]. Однако эти паспорта не обеспечивали социальное положение, которое оставалось прежним и зависело от усмотрения местных властей. Эмигранты получали «документ «апатридов», людей без родины, не имеющих права работать на жалование, принадлежать к пролетариям и служащим, имеющим постоянное место и постоянный заработок» [16, с. 276].

В сложившейся ситуации сам процесс адаптации отличался заметной трудностью. Распространённой моделью поведения в первые десятилетия эмиграции, когда люди «сидели на чемоданах», не расставаясь с надеждой вернуться домой, было замыкание на собственной среде и нежелание интегрироваться в новое для них общество. Так, В.В. Набоков вспоминал, что «в Берлине и в Париже, двух столицах изгнанничества, русские эмигранты создали компактные колонии...Внутри этих колоний они держались друг за друга... Жизнь в

этих поселениях была настолько полной и напряжённой, что эти русские «интеллигенты» ... не имели ни времени, ни причин обзаводиться какими-то связями вне своего круга» [12, с. 308]. В рассказе «Городок» Н.А. Тэффи пишет о сложности ассимиляции во Франции через описание примет своеобразного эмигрантского «городка на Пасях» (Пасси — район Парижа): «Это был небольшой городок, жителей в нём было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров... Окружали городок не поля, не леса, не долины — окружали его улицы самой блестящей столицы мира с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазины заводили свои...» [13, с. 153].

Перед исследователями возникает проблема оценки масштабов эмиграции «первой волны», данные по которой весьма противоречивы. Известно, что советские органы власти никаких серьёзных подсчётов не вели, и их данные носят весьма общий характер. Так, В.И. Ленин, выступая на X съезде РКП (б) 9 марта 1921 г. приводил цифру в два миллиона человек [14, с. 3]. Трудности в определении численности людей, выехавших из прекратившей своё существование Российской империи, возникали и в международных организациях, и в тех странах, куда прибывали эмигранты. Тем не менее, по подсчётам американского Красного Креста общее количество эмигрантов из России на 1 ноября 1920 г. составляло 1194 тысячи человек, а позднее эта оценка была увеличена до 2092 тысяч человек [2, с. 507]. По данным Лиги Наций, по состоянию на август 1921 г. было более 1,4 млн. беженцев из России [2, с. 507]. Наиболее авторитетная оценка численности «белой эмиграции», данная А. и Е. Кулишерами, также говорит о 1,5 – 2 млн. человек [2, с. 507]. Вместе с тем, исследователь В.М. Кабузан оценивает общее число эмигрировавших из России в 1918–1924 гг. в 5 млн. человек, включая в него и около 2 млн. оптантов, то есть жителей бывших российских (польских и прибалтийских) губерний, вошедших в состав новых суверенных государств [15, с. 230].

Интеллигенция, как и все гражданские лица, прибывала в европейские страны вместе с отступавшими белыми армиями через Прибалтику, Польшу, Манчжурию, Турцию. Но определяющее значение для формирования состава эмигрантской интеллигенции имела высылка за границу или в отдалённые районы РСФСР деятелей науки, медицины и литературы, проведённая властями в 1922 – 1923 гг. Каждый из них должен был подписать две бумаги: «первая – расписка, что в течение 10 дней он покинет страну, другая знакомила высылаемого с тем, что он

будет казнён, если вернётся в Россию без разрешения Советского правительства» [16, с. 141].

Эту акцию большевистского руководства эмигрантские газеты называли «щедрым даром» русской культуре за рубежом: за пределами России оказалась едва ли не половина творчески активных представителей философии и искусства Серебряного века.

Таким образом, эмиграция в рамках *cultural studies* интерпретируется не только как действительное и реальное состояние ссылки / изгнания, но и как метафорическое пребывание вне влияния определённой культуры и исторической действительности, что углубляет традиционный смысл данного понятия. Несмотря на то, что степень вынужденности в различных терминах, обозначающих переселение за пределы своей страны, слабо различима, смысловой акцент – эмигрант, а не изгнанник или беженец – имел особое (в некоторой степени символическое) значение для представителей послереволюционной эмиграции.

Непосредственно после Октябрьской революции и в течение Гражданской войны эмиграция приобретает такие характеристики, как массовость и вынужденность. Однако и в дальнейшем, в 1920-е гг., из советской России продолжалась эмиграция – как по собственному решению, так и принудительная. Лишение гражданства тех лиц, которые находились за пределами государства, вынуждало эмигрантов по-иному взглянуть на своё положение.

Источники и литература

1. Бугаева, Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика / Л. Бугаева // *Ent-Grenzen: Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts* / За пределами: Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века; под ред. Л. Бугаевой и Е. Хаусбахер. – Франкфурт-на-Майне: Петер Ланг, 2006. – С. 51 – 71.
2. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / П.М. Полян и [др.]; под общ. ред. О.Б. Глезера и П.М. Поляна. – М.: Объединенное Гуманитарное Издательство, 2005. – 816 с.
3. Померанц, Г.С. Записки гадкого утенка / Г.С. Померанц. – М.: Моск. рабочий, 1998. – 399 с.
4. Ходасевич, В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / В.Ф. Ходасевич. – М.: Советский писатель, 1991. – 683 с.
5. Бунин, И.А. Великий Дурман / И.А. Бунин. – М.: Совершенно Секретно, 1997. – 352 с.
6. Костиков, В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В.В. Костиков. – М.: Международные отношения, 1990. – 464 с.
7. Дравич, А. Литературные поколения / А. Дравич // Одна или две русских литературы? *Une ou deux litteratures russes?*: Международный симпозиум, Женева, 13-

15 апр. 1978 г. / Женевский университет и Швейцарская Академия славистики; редкол.: Ж. Нива и [др.]. – Lausanne: L'age d'homme, 1981. – С. 143 – 165.

8. Набоков, В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В.В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 2009. – Т.2: 1926 – 1930. Машенька. Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. Драма. Эссе. Рецензии. – 784 с.

9. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учеб. пособие для студентов / Е.И. Пивовар [и др.]; под общ. ред. Е.И. Пивовара. – М.: Историко-архивный институт РГГУ, 1994. – 117 с.

10. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 429 с.

11. Набоков, В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В.В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 2008. – Т.5: 1938-1977. Волшебник. Solux Rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. Драматические произведения. Эссе. Рецензии. – 848 с. – 308 с..

12. Тэффи, Н.А. Житье-бытье: Рассказы. Воспоминания / Н.А. Тэффи. – М.: Политиздат, 1991. – 445 с.

13. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. 3-е изд. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.

14. Кабузан, В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719 – 1989), формирование этнических и политических границ русского народа / В.М. Кабузан. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ", 1996. – 347 с.

15. Берберова, Н.Н. Курсив мой: Автобиография / Н.Н. Берберова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 765 с.

16. Сорокин, П.А. Дальняя дорога: Автобиография / П.А. Сорокин. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 303 с.